

Мы же один народ?

Украинская и русская идентичность в Украине перед российским вторжением

Герд Хентшель, Ольденбургский университет

С 24 февраля украинцы в Германии от многих русских вокруг себя слышат слова сочувствия и даже извинения за то, что делают с Украиной и её народом находящиеся у власти в московском Кремле. После этого, подкрепляя своё сочувствие, русские, как правило, произносят фразу: «Мы же один народ». У одной из моих сотрудниц Института славистики, столкнувшейся с подобными высказываниями несколько раз, эта фраза, особенно в первые дни войны, вызывала возмущение и резкое неприятие, ведь этот аргумент «народного единства» относится к репертуару Владимира Путина. Это мнимое, диффузное «этно-национальное» единство служит ему аргументом в пользу в какой бы то ни было форме организованной государственной принадлежности Украины и Белоруссии к России, находящейся при этом, конечно же, под централизованным контролем Москвы.

Такая позиция «народного единства» довольно распространена в России, как отмечает во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* от 3 марта этого года и российская писательница Людмила Улицкая.

Даже умерший в 2008 году российский писатель Александр Солженицын, являвшийся на Западе уважаемым диссидентом, в связи с распадом Советского Союза яростно высказывался за государственное единство русских, белорусов и украинцев, но подчёркивал при этом также и следующее: «Конечно, если б украинский народ действительно пожелал отделиться [от России] – никто не посмеет удерживать его

силой». Несмотря на свои аргументы в пользу государственного единства, отчасти нашедшие отражение и в фальсифицирующей исторические факты путинской риторике последних недель, Солженицын признавал за украинцами как статус народа, так и право на государственную независимость. Сегодняшняя диктаторская Россия пытается силой уничтожить и то, и другое.

Что же по этому поводу думают украинцы? Справку по этому вопросу можно получить из трёх ольденбургских научных проектов. Одни исследовательские данные были получены по результатам опроса, проведённого в центральной Украине в 2014 году, т.е. вскоре после аннексии Крыма. Второй же опрос проводился в 2020 и 2021 годах в трёх областях черноморского побережья. В общей сложности исследования охватывают 2600 случайно выбранных респондентов. Наши работы по центральной и южной Украине показывают следующее:

Восемь-девять из десяти респондентов видят себя отдельной украинской нацией, существенных региональных различий при этом не отмечается. Однако один-три из десяти опрошенных не считают эту автономию «неограниченной». Несколько чаще последней точки зрения придерживались респонденты, например, в приграничных с Россией областях или же в Херсонской области, к северу от Крыма. Ответы на немного иначе сформулированный вопрос о том, можно ли быть одновременно украинцем и русским, уже менее однозначны. Подчас половина, но, как минимум, пятая часть респондентов считала двойную национальную принадлежность возможной. Здесь прослеживается не только традиционно более сильная, чем в западных областях страны, русская ориентация и юга, и даже востока центральной Украины, но и их более тесные контакты с близлежащей Россией.

Взглянем на культуру: в некоторых областях только половина опрошенных видит разницу между украинской и русской культурой, к примеру, на побережье Чёрного моря или в более аграрных областях на севере и в центре Украины. Но в более урбанизированных областях, например, Харьковской и Днепропетровской, почти для трёх четвертей респондентов эта разница очевидна.

Кем же считают себя опрошенные нами респонденты: украинцами, русскими или же и теми, и другими одновременно – возможно, с градацией? Ответы сложные, но некоторые моменты можно выделить: большинство участников опроса (от половины до более чем четырёх пятых) без каких-либо ограничений считают себя украинцами и, как правило, также без ограничений, не считают себя русскими, реже – «скорее не русскими». В 2014 году, несмотря на аннексию Крыма, многие респонденты по-прежнему говорили о «трёх братских народах». В 2020-21 годах этого уже практически не было слышно. Некоторые пожилые украинцы с советской социализацией заявили, что именно Путин сделал из них украинцев.

Теперь к вопросу о государственной независимости Украины: объединение Украины и Беларуси с Россией на государственном уровне, являющееся в своё время желанной картиной для Солженицына, а теперь и для Путина, отвергает подавляющее большинство опрошенных респондентов во всех областях. Только от 5 до 25% могут представить себе такой союз, но скорее под определёнными условиями, чем безоговорочно. Это касается и Харьковской области, и трёх областей на черноморском побережье с традиционно более выраженной русской ориентацией. Немецкие СМИ, транслировавшие перед российским вторжением в Украину несколько интервью с жителями Харькова, намекали скорее на готовность харьковчан к объединению с Россией.

Сегодня, после нескольких недель войны с её тысячами погибших, неприятие такого союзного государства, безусловно, намного более резкое, а этническая и национальная отделённость украинцев от России – ещё более чёткая.

Если бы значительная часть российского населения и далее придерживалась убеждения, что «мы – один народ», и предпочитала общее «всерусское» государство, то это был бы не более чем один из многих этно-национальных антагонизмов в Европе, которые можно и нужно бы было рассматривать в политико-демократическом и научном русле, но лишь до тех пор, пока, в духе Солженицына, признаётся право на самоопределение и не применяется насилие. Путинский же режим отрицает право на самоопределение и прибегает к кровавому насилию. Нынешняя трагедия в Украине, тем не менее, не зиждется на этнической вражде между русскими и украинцами, несмотря на определённые разногласия. Но сейчас такая вражда, к большому сожалению, может возникнуть.

Проф. д-р. Герд Хентшель – профессор славянского языковедения в Ольденбургском университете и эксперт по языковым и культурным связям между Россией и Украиной.

Перевод с немецкого Анастасии Рейс